

ГЛАВА 1

«Оранжевая жара»... Столбик термометра растет, прогноз на неделю не радует, службы ЧС пугают пожарами, люди пачками падают в обморок прямо на тротуарах. И все это в середине июня. Что же ждет впереди? Да ничего особенного: все те же домашние заботы, деловые поездки и работа, работа, работа...

В помещениях без кондиционеров совсем тяжело: воздух нагревается так, что хоть ножом режь, как масло в масленке. От раскаленного асфальта жар доходит до девятого этажа, где вентилятор на метровой ножке гоняет горячий воздух по крохотной комнатухе в четырнадцать квадратов, а облегчения не приносит. Открытое окно лишь усугубляет положение.

У окна сидит молодой человек в стильной льняной рубашке, светлых летних брюках и каждые три минуты протирает бри-

тую голову клетчатым платком огромных размеров. Когда-то у него на голове была креативная стрижка: пряди трех цветов собирались в короткий хвост, переходя в круто выбритый затылок. Спортивные брюки и укороченная футболка с принтом вызывающего содержания, речь скороговоркой, развязный стиль общения — образ прежнего начинающего креативщика.

Тогда казалось, что это круто. Радужные полосы в волосах, татуированная от плеча до кисти рука и перламутровая оправа очков привлекали взгляды, что придавало уверенности в себе. Как давно это было, каким глупым это казалось сейчас. Какое счастье, что хватило ума избавиться от наносного и показного, что дешевый «креатив» не помешал основным, глобальным планам.

Со временем внешность претерпела значительные изменения. Оказалось, что бритый наголо череп смотрится более презентабельно, классический, с некоторым налетом вольности, стиль одежды подчеркивает индивидуальность, а черная оправа очков облагораживает не слишком аристократические черты лица. Но главное достижение не в стиле, а в укреплении позиций на рынке развлечений.

Добиться признания в Москве дорогого стоит. Он этот путь прошел. От никому не известного массовика-затейника до директора самого модного и выбираемого в столице ивент-агентства. Круто? Конечно, круто. Тут тебе и уважение, и почет, и слава. К тому же вопрос финансов давно не висит дамокловым мечом, в этом плане все стабильно, насколько вообще в этом мире может существовать стабильность.

«Боже, как же здесь душно! Сюда бы какой-никакой захудалый кондиционер, а не это чудо техники прошлого века. Ладно, часок потерпеть можно. Думай о награде и о том, как приятно будет после душегубки оказаться в кондиционируемом салоне автомобиля. А с кондиционером потом решим». Он прошел в кухню, открыл кран. Когда теплая жижа ржавого цвета потекла на платок, поморщился и, отжав в раковину лишнюю воду, приложил платок к шее.

Щелкнул дверной замок. «Наконец-то», — облегченно подумал молодой человек, но, обернувшись, замер на месте: в тесную прихожую вошли люди, которых он не ждал. Их было пятеро. Все одного роста, примерно одного возраста и в одинаковой одежде. Черные спортивные костюмы с капюшонами, на ногах кованые ботинки, а в руках...

«Что? Что происходит? Что ты натворил, кому перешел дорогу? Соображай, пока не стало поздно!» Голова же стала совсем пустой, точно из нее высосали все вакуумным насосом. Один из вошедших вышел вперед, схватил молодого человека за шиворот и выволок в комнату. Люди в капюшонах рассредоточились по периметру комнаты, образовав кольцо.

— Кто вы?! Чего хотите?! — выкрикнул молодой человек, но либо запоздал с вопросом, либо тот изначально не имел смысла.

Он увидел летящую в голову биту, ощутил первый удар и понял, что живым из комнаты ему не выйти.

«Лева, придется поднапрячься. Сам понимаешь, отказов там не принимают. И не ворчи, такая у нас работа». Дерьмо это собачье, а не работа. Работа оперуполномоченного по особо важным делам заключается в расследовании преступлений, в розыске преступников, в поиске улик и доказательств, а ублажать высокие чины — это прерогатива людей совсем другой профессии. Вот что сказал бы полковник Гуров, будь у него слушатели. Но в половине седьмого утра желающие послушать возмущенные тирады сыскаря из уголовки в

очередь не выстраиваются, поэтому пронзительная речь звучала исключительно для него самого.

Час назад Гуров принял звонок от своего непосредственного начальника генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова. Тот факт, что Орлов позвонил лично, а не перепоручил грязную работу дежурному по части, говорил сам за себя. Значит, дело, которое еще даже не возбуждено, уже находится на особом контроле. Лично для Гурова это означало одно — повышенное внимание, дополнительный надзор и лишняя отчетность.

«Ну почему всегда одно и то же? Почему самые дурнопахнущие дыры должен затыкать именно я?» — возмущался Лев. Он сидел за рулем своей машины, и путь его лежал в московский район Гольяново. Район этот имел славу самого криминально неблагополучного места в столице. В некоторых источниках средств массовой информации его ставили в одну строку с Кейптауном и Мехико. Когда-то, в далекие девяностые, здесь правила измайловско-гольяновская преступная группировка, организованная из молодежных банд. Тогда даже самые отъявленные бандиты знали, что на восток столицы лучше не соваться.

В настоящее время обстановка в Гольяново улучшилась, но не намного, и район по сей день считается лидером по количеству краж, разбоев и убийств, только теперь это не связано с организованной преступностью. Причина до абсурдного проста. Вернее, их две: дешевая арендная плата на жилье и крупнейший в России автовокзал. Первое привлекает в район мигрантов и маргиналов, которым плевать на обилие промзон и загаженный воздух. Второе плодит «гастролеров», приезжающих в столицу исключительно ради совершения преступления.

И вот в этом районе, где слово «полиция» считается ругательным, полковнику предстояло расследовать убийство. В чужом районе, на чужой земле. А все почему? Да потому, что в пять утра генералу Орлову позвонил вице-губернатор Московской области и лично просил взять расследование преступления, совершенного в Гольяново, на особый контроль. Орлов пообещал сделать все возможное и не придумал ничего более оригинального, чем поднять его, Гурова, с постели и погнать в криминальный район.

Все, что на данный момент было ему известно о преступлении, — убит директор популярного в Москве развлекательного

агентства. Выбросили из окна, так сказал Орлов. Что ж, есть преступление, надо искать преступника, разве он против? Обидно, что по указке городского чиновника. А вмешательство вице-губернатора — не что иное, как показуха. Отец-благодетель нашелся, о рядовом жителе города печется. Кто в это поверит?

Впрочем, причину внимания к персоне директора ивент-агентства со стороны губернатора генерал не озвучивал, так что ворчание Гурова не имело под собой почвы. Просто слишком уж часто стали происходить такие вот персональные звонки, после которых ему приходилось совершать на три продуктивных действия около десяти непродуктивных. И это выбивало из колеи.

До места происшествия Лев добрался в четверть седьмого. Орлов заранее предупредил, что работать он будет с криминалистами из управления. Выездная бригада тоже входила в штат Московского уголовного розыска на Петровке. Это облегчало задачу, так как не нужно было тратить силы и время на знакомство с людьми из местного отдела полиции.

У дома, где лежало тело погибшего, собралась толпа. Газон возле единственного подъезда огородили лентой и выставили

оцепление. Об этом позаботились местные власти, знакомые с порядками района лучше, чем приезжие опера и следователь. Количество полицейских, охраняющих место падения тела, впечатляло. Восемь человек только возле трупа, а еще патруль на дороге при въезде во двор, две пары бравых бойцов с торцов дома и пара у подъезда.

«Как при теракте», — промелькнуло в голове Гурова. Он вышел из машины, и к нему тут же ринулись двое полицейских. Один козырнул и спросил:

— Вы из главка?

— Полковник Гуров, — кивнув, представился Лев. — За все это кто отвечает? — обвел он рукой пространство перед собой.

— Майор Бронницкий, — поняв его жест, представился полицейский. — ОМОН и патрульных я вызвал. Сразу, как только звонок отсюда поступил. У нас здесь лучше лишний раз перестраховаться. Могли и не успеть. Вышли бы «братки» из окрестных домов и затоптали место преступления почище, чем стадо буйволов.

— Вы приехали сюда по звонку? — уточнил Лев.

— Практически сразу после звонка, — ответил Бронницкий. — Я сегодня на дежурстве, так что повезло.

— Осмотр производили?

— Частично. Карманы проверили. Телефон изъяли, водительское удостоверение. Личность определили, сделали пару звонков, после чего нам было велено стоять на карауле, но к телу не соваться.

— Хотелось бы знать, что за звонок вы сделали, что вас так наказали, — поддел Гуров.

— Похоже, наказали-то не нас, — вернул «комплимент» Бронницкий. — А если серьезно, ваш вызов не на нашей совести. Пока ждали приезда криминалистов, поступил приказ сверху: осмотр отложить до особых распоряжений.

— Полагаю, особое распоряжение — это я, — усмехнулся Лев.

— Получается, что так.

— Тогда докладывайте.

— Убитый — Валерий Кадацкий, неполных тридцати пяти лет, директор ивент-агентства «Особый шик». Личность установлена по водительскому удостоверению, род деятельности — по визитке. Других документов при убитом нет. Есть телефон, довольно дорогой, в чехле из натуральной кожи. В нем практически пусто, несколько штук визиток с фамилией убитого, указанием должности и контактными данными

и одна визитка, которая, как я понимаю, и привела вас сюда.

— Вице-губернатора? — догадался Гуров.

— Так точно. Сами понимаете, о таких деталях положено сразу начальству докладывать. Я доложил, мне было приказано ждать особых распоряжений.

— Уже известно, откуда у убитого визитка вице-губернатора?

— Думаете, передо мной отчитались? Или я вот так запросто взял и набрал его номер? — произнес Бронницкий. — Может, у вас на Петровке такое и практикуется, но у нас в Гольяново первое, чему учат новобранцев, — это не совать нос в дела власть имущих и не проявлять инициативу, пока не прикажет начальство.

— Ладно, майор, пойду работать, отрабатывать свой хлеб, — прервал его Гуров.

— По квартирам пойдете? — вопросительно посмотрел на полковника Бронницкий.

— Обязательно, — кивнул Лев.

— Поаккуратнее, слишком не усердствуйте, если что, — предупредил Бронницкий. — Тут контингент особый.

— Это я уже понял. В любом случае отработать придется, как положено.

— Понадобится консультация по жильцам, обращайтесь к оперуполномоченному Юхимишину. Он на этой земле шесть лет участковым оттрубил. На совесть работал, так что всю подноготную про район знает.

— Вот за это отдельное спасибо, — искренне поблагодарил Гуров и пошел осматривать тело.

Белая, в мелкий цветочек, простыня выглядела бы смешно на фоне зеленой травы посреди городского газона, если бы не множество кровавых пятен, пропитавших ее насквозь. От этого голубые цветы приобрели темно-коричневый оттенок, а некогда зеленые веточки слились с общим буро-красным фоном.

— Привет, Вадим, что это тут у нас за самодеятельность? — кивнул криминалисту на ситцевые цветы Гуров.

— Женщина с первого этажа пожертвовала, — объяснил тот. — Зрелище слишком жуткое. Не хотела на раскромсанное тело из окна смотреть, вот и вынесла простыню. Разумное решение, надо сказать.

— Все так плохо? — Лев приподнял простыню и от неожиданности отшатнулся: — У них что, полуметровые лезвия в воздухе висят? Я так понимаю, травмы получены не в результате падения?